

коневождением должны были затем познакомиться и арии, просачивавшиеся с начала II тыс. до н. э. из восточноевропейских и среднеазиатских степей; при этом именно в приурмийском районе мог и должен бы¹⁰⁵ состояться где-то в первой — второй четверти II тыс. до н. э. митаннийско-индоиранский контакт. Отсюда становится понятно, почему «оборот» (-wartanna) длиной в 2 км — каким он и должен быть в горных районах, где нет больших плоских пространств, — превратился при переносе системы тренировки колесничных лошадей на равнины Месопотамии в обозначение определенного расстояния в пределах конно-колесничного пробега по прямой. Вывод К. о том, что в «переднеазиатских ариях» мы имеем группу, отколовшуюся от общей массы индоиранцев, двигавшихся в сторону Индии, согласуется с нашими выводами о том, что, судя по экологическим данным, основными воротами движения полуседлых индоиранских скотоводов на юг должны были быть долины Атрека и Герируда, и лишь второстепенными — дагестанское побережье Каспия, откуда путь вел в приурмийский район¹⁰⁶. Кавказско-общеевропейские сходжения засвидетельствованы в древнейшей кавказской лексике¹⁰⁷, но есть языковые факты, которые можно рассматривать как следы прохода именно индоиранских племен через Кавказ; это слово вед. ḡjīrua-, авест. əgəzīfya- «орел»¹⁰⁸. Оно существует в восточнокавказском нахско-дагестанском праязыке (*-arǰiw)¹⁰⁹, когорый датируется не позже чем III тыс. до н. э.¹¹⁰, оно же, по-видимому, существовало и в урартском (Ar-si-bi-[arǰivə] имя царского коня, ср. др. арм. из субстрата arǰi, диал. arǰiv/w, груз. из арм.¹¹¹ arǰivī «горный орел» — не охотничий беркут степей!). Естественно предположить, что название орла, типичной птицы Кавказа, заимствовано степняками-индоиранцами у кавказцев, а не наоборот, тем более, что общее и.е. название орла — другое (*Heg-n-).

Так кончается миф о громадной роли арийских культуртрегеров в древней Передней Азии; сознание того, что смертельный удар ему нанесен из Германии, удовлетворяет чувству поэтической справедливости. Конечно, те ученые, которые приложили руки к созданию арийского мифа, не могли подозревать, как страшно он будет использован впоследствии, с перенесением самого понятия «арийцев» на другой индоевропейский народ и на мифическую расу. Но легкомыслие и конъюнктурные соображения в обращении с научными фактами всегда оборачиваются фальсификацией и всегда мстят за себя. Не пора ли и нам, историкам, вслед за физиками и техниками задуматься об ответственности ученых перед человечеством? Для человечества одинаково вредно, когда отменяют «нежелательные» племена там, где они были, и когда сочиняют «желательные» племена там, где их не было.

на мифологическую сцену на золотом кубке из Хасанлу в Стране маннеев, хотя позднюю (XII—XI вв.), но очень архаичную, с уникальным изображением у ж е л е г к о й боевой колесницы, е щ е запряженной не лошадьми, а быками. Речь идет о колесницах богов, отсюда и архаизм: Э. Порада считает всю сцену иллюстрацией древнейшего хурритского мифа о божестве Кумарве (E. P o r a d a, The Art of Ancient Iran. Preislamic Cultures, N. Y., 1965, стр. 94—101). О специально колесничном коневождении в других горных районах Передней Азии см. H a n ß a r, Das Pferd..., стр. 472—511.

¹⁰⁵ По имеющимся ономастическим данным хурриты никогда не жили юго-восточнее озера Урмия-Резайе; далее к востоку и юго-востоку жили, видимо, куттии.

¹⁰⁶ Об этом я предполагаю написать подробно в другом месте.

¹⁰⁷ См. Г. А. К л и м о в, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964, стр. 39 сл.

¹⁰⁸ С индоевропейской точки зрения слово это разъясняется небезупречно, но в пользу его и.е. происхождения говорит, возможно, существование греч. αἰγυπιβάς «кормилец», быть может, родственного вед. ḡjīrua-.

¹⁰⁹ Чеч. arǰi, ингуш. ārǰi, баб. arǰ' iv, лак. b-arzu.

¹¹⁰ Е. А. Б о к а р е в, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961, стр. 17 сл.

¹¹¹ А. Г. Ш а н и д з е, Название «орла» в грузинском языке, «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1966, стр. 140 слл.

ARYANS IN THE NEAR EAST: THE END OF A MYTH

by I. M. Diakonoff

The author presents a review-article of the book by A. Kammenhuber: *Die Arier im Vorderen Orient*, Heidelberg 1968. He agrees with Kammenhuber that Indo-Iranian tribes were not the dominant element in the state of Mitanni and that it was not they who introduced horse-breeding and the light war chariot in the Near East; however, Mitanni (but not other) Hurrians came in contact with Indo-Iranians and to some extent under their influence, which may be seen in Mitannian names and in their acquaintance with certain Indo-Iranian gods. It is quite unnecessary to exaggerate this influence; in particular, the lexicological evidence does not support the view that Indo-Iranian influence extended to the sphere of law and other areas of Hurrian culture. Many of the supposed Aryan features in the terminology of handicraft, and even of horse-breeding, are also dubious. The author notes the important information on the history, chronology and culture of the Hittites, and especially of the Hurrians, which Kammenhuber extracts from their language and from other materials, and offers some further observations of his own

According to Kammenhuber, at the beginning of the second millennium B. C. the Indo-Iranian tribes still formed one body, which was slowly moving in the direction of India. The Aryans with whom the Mitanni Hurrians came into contact belonged, in Kammenhuber's opinion, to a small tribal group that branched off from the same part of the general body of Indo-Iranian tribes from which the Indo-Aryans later emerged. The author of the present article thinks there is not enough evidence for so precise a determination of which part of the Indo-Iranian tribes this group belonged to. He also suggests that the contacts between the Hurrians and the Indo-Iranians may have taken place on the territory of modern Iranian Azerbaijan (a district where one Hurrian group — the Matieni or Matiani of the Graeco-Roman authors — lived; perhaps to be identified with *Mittanne*, *Maittanne*, which is probably a dynastic-tribal term, cf. *Hurri*, the term for the people, and *Hanigalbat*, the term for the northern Mesopotamian territory where the Mitannian dynasty ruled).

In this article, as in Kammenhuber's book, much space is given to discussing the methodological problems involved in identifying elements of vanished languages in toponymic and onomastic material. The author also touches on the problem of determining the routes by which the Indo-Iranian tribes moved into Iran and India.

К. в. Д. предположил + сарматское слово
 "маттани" и предположил миттани
 из и в асси. восточной ассирии

маттани диана < три
 и Восточная

К. в. Д. в конце, стр. 155 - "маттани"
 и "маттани"

И. А. Шишова
РЕФОРМЫ ФИЛОЛАЯ

В АНТИЧНОЙ истории одним из наиболее сложных и наименее исследованных до сих пор вопросов остается вопрос о развитии и становлении греческих полисов. Обычно этот процесс восстает по типу двух наиболее известных образцов — афинского и спартанского. Для одного характерно полное разрушение и уничтожение всех остатков первобытнообщинного строя. Для другого — сохранение многочисленных пережитков родового строя, в том числе — коллективной собственности на землю. Значительную сложность представляет изучение различных греческих государств, занимающих как бы промежуточное положение между этими полярными типами греческих полисов. В данном случае речь идет о беотийских государствах и прежде всего о Фивах.

В литературе неоднократно отмечалось, что в Беотии родовая знать сохраняла свои политические позиции и свое положение крупного земельного собственника на целое столетие дольше, чем родовая аристократия в Аттике. Однако даже в период господства родовой знати здесь было достаточно крепким и среднее хозяйство, примером которого служит владение Гесиода. «В Беотии, — пишет Белох ¹, — крупное землевладение было хорошо представлено, так как эта страна могла выставить 1000 всадников. Но крестьяне здесь сохранили свободу, и потому наряду с крупным был и многочисленный класс средних землевладельцев, которые были в состоянии выступать в собственном вооружении». Эти подсчеты Белоха согласуются с сообщением Фукидида (IV, 93, 3) о том, что в 424 г. до н. э. в битве с афинянами у Делии беотийское войско составляло 7000 гоплитов, больше же цифру всадников и для IV в. до н. э. дает Оксиринхский папирус (Hell. Oх. II, 3), где говорится о том, что «вся страна делилась на одиннадцать (избирательных единиц)... От каждой единицы выставлялось в войско около 1000 гоплитов и 100 всадников». При такой норме набора цифра всадников должна достигать 1100 человек. Наблюдения Белоха, таким образом, могут быть распространены на V и IV века до н. э. Характерно, что в IV в. до н. э., в период возвышения Фив, когда большинство греческих государств использовало наемные войска, основу фиванского войска составляло крепкое крестьянство. Подобная устойчивость крупного и среднего землевладения объясняется прежде всего тем, что Беотия и в IV в. до н. э. оставалась страной по преимуществу земледельческой, со слабым развитием ремесла. Относительно высокое плодородие беотийских земель способство-

¹ J. B e l o c h, Griechische Geschichte, I, Strassburg, 1893, стр. 419.

вало тому, что земледелие, как во времена Гесиода, так и много позднее, было по преимуществу хлебопашеским².

Как известно, развитие целого ряда греческих полисов определялось кругом законов, принятых в ранний период и обычно приписываемых традицией какому-то законодателю. Путь развития Афин как торгово-ремесленного полиса был предначертан законодательством Солона. Характерные черты спартанского государства были определены законами, связанными с именем Ликурга. Можно предположить, что и особенности развития Беотии как страны чисто земледельческой также могли быть закреплены соответствующим законодательством.

Традиция сохранила нам имя древнейшего фиванского законодателя Филолая, время жизни которого относят приблизительно к началу VII в. до н. э.³

Рассказ Аристотеля — наш единственный источник — содержит сведения о самом Филолае и об истории его появления в Фивах (Polit. II, 1274a 31 сл.). Филолай был коринфянином и происходил из знаменитого рода Бакхиадов. Из любви к Диоклу, победителю на олимпийских состязаниях, Филолай покинул вместе с ним Коринф и удалился в Фивы. В Фивах и Филолай и Диокл жили до конца своих дней. «И теперь еще, — пишет Аристотель, — показывают их могильные холмы». В заключение Аристотель сообщает о законах, установленных Филолаем для Фив, — νομοθέτης δ'αὐτοῖς ἐγένετο Φιλόλαος περὶ τᾶλλων τινῶν καὶ περὶ τῆς παιδοποιίας, οὗς καλοῦσιν ἔκείνοι νόμους θετικῶς καὶ τοῦτ' ἐστὶν ἰδίως ὑπ' ἐκείνου νομοθετημένον, ὅπως ὁ ἀριθμὸς σφίγγεται τῶν κληρῶν.

Реформы Филолая вызвали в научной литературе самые различные толкования. По предположению М. Мюллера⁴, Филолай застал в Фивах неравномерное распределение земель между аристократами, угрожавшее некоторым знатым родам обнищанием. Реформы Филолая заключались в том, что он устроил общий передел земли и закрепил землю за ее владельцами, чтобы на будущее исключить разорение знати. Эта точка зрения произвольна, так как ее не подтверждают слова Аристотеля. Можно, как нам представляется, руководствоваться лишь самыми общими соображениями о том, что реформы Филолая были скорее всего связаны с той социальной борьбой, которая охватила в VIII—VII вв. до н. э. все греческие полисы, борьбой между аристократами и демосом. Целью законодательства Филолая скорее всего могло быть сохранение за земельной аристократией политического и материального первенства, вызывавшего недовольство крестьян.

Какими же мерами Филолай мог укрепить позиции аристократов? Иными словами, — что представляли собой его законы и в частности законы περὶ τῆς παιδοποιίας, которые фиванцы называли νόμοι θετικοί? Трудность толкования интересующего нас отрывка связана с тем, что слова θετικός и παιδοποιία встречаются у Аристотеля только в этом фрагменте⁵. Более того, сочетание слов νόμος θετικός никем из античных авторов вообще не употребляется⁶. Отсутствие параллелей и разнообразие значений глагола τίθημι неизбежно ставит перевод отрывка из Аристотеля в зависимость от тех или иных предположений о характере реформ Филолая.

² Исследователи географии Греции Нейман и Парч отмечали, что почва Беотии более других областей континентальной Греции благоприятна для посевов пшеницы. См. C. Neumann und J. Partsch, *Physikalische Geographie von Griechenland*, Breslau, 1885, стр. 445.

³ См. RE, XIX, стб. 2510.

⁴ M. Müllert, *Geschichte Thebens*. Diss., Lpz, 1879, стр. 11 сл.

⁵ См. H. Bonitz, *Index Aristotelicus*, B., 1855, s. v.

⁶ См. В. Вүхсenschütz, *Besitz und Erwerb im Griechischen Altertüm*, Halle, 1869, стр. 132. Cp. Liddell-Scott s. v.

Одним из первых к толкованию сведений о реформах Филолая обратился Бюксеншютц (там же). По его мнению, проведенные Филолаем νόμοι θετικοί, целью которых было сохранение одинакового числа клеров, представляли собой законы об усыновлении. Это предположение Бюксеншютца, высказанное им в очень осторожной форме (wie es scheint, — пишет он), получило, однако, чрезвычайно широкое распространение в научной литературе⁷. Законами об усыновлении считают νόμοι θετικοί и Зуземиль⁸ и Ньюмен⁹. Эта точка зрения нашла свое отражение в словаре Пассова¹⁰. То же толкование текста мы находим и у С. А. Жебелева¹¹, который переводит интересующий нас абзац следующим образом: «Филолай, между прочим, установил в Фивах также и законы, касающиеся деторождения (эти законы фиванцы называют законами об усыновлении); они были установлены Филолаем специально с целью сохранения [одинакового числа¹²] земельных наделов».

Отметим тут же, что слова περί τῆς παιδοποιίας большинство исследователей понимает как «касающиеся деторождения». Однако совершенно неясно, как же следует понимать взаимную зависимость трех названных компонентов — деторождения, усыновления и сохранения одинакового числа клеров. Было сделано несколько попыток устранить эту неясность. Так, Герман¹³ попытался обосновать перевод термина παιδοποιία у Аристотеля как «усыновление». (Законы, касающиеся усыновления, которые фиванцы называют νόμοι θετικοί.) Такое толкование было бы вполне логичным. Однако термин παιδοποιία у других античных авторов обычно означает «деторождение». Единственная параллель (употребление глагола παιδοποιεῖν в значении «усыновить»), приведенная Германом, ненадежна¹⁴. Для того, чтобы увязать деторождение с усыновлением, Зуземиль (там же) вводит в свой перевод дополнение «Gesetze... über Kinderzeugung (und was damit zusammenhangt)». Однако это дополнение, на наш взгляд, мало что разъясняет. В изложении Бузольта законы о деторождении и об усыновлении — самостоятельны — Gesetze über Kindererzeugung und Adoption¹⁵. Но это отделение произвольно, так как текст Аристотеля не оставляет сомнений в том, что νόμοι θετικοί — это определение законов о деторождении. По-видимому, νόμοι θετικοί — это специально фиванское название законов о деторождении. Не исключено, что именно поэтому такое сочетание слов не встречается в других античных источниках.

Один из сторонников взгляда на фиванский закон, как на закон об усы-

⁷ Отметим, что Бюксеншютц принимал чтение Φιλολάου (1274 b 9), которое дают рукописи и в соответствии с этим считал, что слова Аристотеля ἡ τῶν οὐσιῶν ἀνισότης — уравнение собственности — передают содержание закона фиванского законодателя. Ныне чтение Φιλολάου единодушно заменено на Φαλέου, так как уравнение собственности Аристотель приписывает именно Фалею, халкедонскому законодателю, современнику Платона (Polit. II, 1266 b 1 сл.). См. об этом подробнее «Aristotele Politique», Livres I et II. Texte établi et traduit par Jean Aubonnet, P., 1960, стр. 174.

⁸ Aristoteles' Politik hsgb. v. F. Susemihl, Lpz, 1879, стр. 257.

⁹ The Politics of Aristotle, by W. L. Newman, II, Ox., 1887, стр. 381.

¹⁰ См. Passow s. v. θετικὸς ... θετικοί νόμοι.

¹¹ См. «Политика Аристотеля», пер. С. А. Жебелева, СПб., 1911, стр. 91.

¹² Неясно, почему «число» взято в квадратные скобки — в греческом тексте это слово наличествует.

¹³ См. S. F. Herman n, Griechischen Antiquitäten, I, 180, 2, Точка зрения Германа нашла свое отражение в словаре Лиддела-Скотта. См. Liddell-Scott s. v. παιδοποιεῖν, с — procreation of children, adoption — со ссылкой на Аристотеля (Polit. 1274 b 3). Словари Папе и Пассова это значение не приводят.

¹⁴ Герман ссылается на Плутарха (Quaest. Platon I, 3, 1000 D), где глагол παιδοποιεῖν употреблен в значении «усыновить» (ὡς περ ὁ μὴ τῶν πατρὶς παιδεύεται τὸν ὄρφανόν). Ньюмен (там же), считая толкование Германа заслуживающим внимания, отмечает, однако, что в тексте Плутарха возможно также чтение παῖδα παιδεύεται.

¹⁵ См. G. Busolt, Griechische Staatskunde, I Hälfte. Münch., 1920, стр. 379.

новлении М. Мюллер следующим образом излагает обстоятельства, сопутствовавшие появлению такого законодательства. По его мнению, законы Филолая должны были положить конец состоянию, при котором часть аристократических родов нищала и вступала в борьбу с олигархией с помощью бесправного демоса: закон об усыновлении предписывал бездетному владельцу клера назначать себе наследника из числа тех, кто не имел собственной земли; тем самым закреплялось распределение земельной собственности и предотвращалась концентрация земли в одних руках¹⁶.

По мнению Циена — автора статьи «Фивы»¹⁷, в Фивах имело место даже вымирание одних семей и концентрация земли в руках нескольких фамилий. Законодательство Филолая рассматривается и здесь как средство избежать уменьшения числа клеров. С той же точки зрения судит о фиванском законодательстве Бузольт. У Бузольта приведены и другие законы, в которых, по его мнению, также содержится запрещение уменьшать число клеров. В числе примеров особого внимания заслуживает закон локров эпизефирских, также упомянутый Аристотелем (Polit. II, 1266 b 19 сл.). Контекст при этом следующий: Аристотель упоминает о законах, ограничивающих продажу собственности и ссылается при этом на закон локров, запрещающий продажу собственности и охраняющий старинные наделы, — νόμος ἐστὶ μὴ πωλεῖν... ἔτι δὲ τοὺς παλαιούς κλήρους διασφίξειν. Вот эту-то формулу τοὺς παλαιούς κλήρους διασφίξειν¹⁸ Бузольт и понимает как запрещение уменьшать число наделов. Нам, однако, представляется необходимым принять во внимание следующую фразу Аристотеля: «Нарушение подобного закона на Левкаде повело к тому, что ее государственный строй стал слишком демократическим: требовавшийся ранее определенный ценз для замещения магистратур с того момента утратил свою силу»¹⁹. Раз речь идет о том, что нарушение закона, предписывавшего сохранять старинные наделы, привело к усилению демократии и к фактической отмене определенного ценза, то очевидно, что уменьшились размеры наделов, а число их увеличилось. А следовательно, ἔτι δὲ τοὺς παλαιούς κλήρους у локров эпизефирских может быть понято как запрещение уменьшать размеры клера, дробить его, но отнюдь не как запрещение уменьшать число клеров.

Конечно древние законодатели принимали меры и к тому, чтобы ограничить размеры земельных владений и тем самым не допустить уменьшения числа клеров, а следовательно, и числа полноправных граждан²⁰. Но какую роль при этом был призван сыграть закон об усыновлении?

Трудно согласиться с тем, чтобы усыновления могли сколько-нибудь значительно уменьшить число безземельных и предотвратить разорение беднейших аристократических родов. Надо отметить, что сторонники такого толкования фиванского закона, явно переоценивая количество бездетных семей, недооценивают гораздо более серьезную для греческих полклеров опасность — обнищание многодетных семей, при котором размеры клеров не увеличиваются, а уменьшаются за счет дробления.

¹⁶ См. Müller, Geschichte Thebens, стр. 11—13.

¹⁷ RE, VA, стб. 1457.

¹⁸ Из перевода С. А. Жебелева «[Есть также закон], касающийся охранения исконных земельных наделов...» явствует, что С. А. Жебелев предполагал существование двух различных законов (см. «Политика Аристотеля», стр. 61), А. И. Доватур упоминает об одном законе, запрещающем продажу имущества и требующем сохранения старинных наделов. См. А. И. Доватур, Политика и политики Аристотеля, М.—Л. 1965, стр. 174.

¹⁹ Перевод С. А. Жебелева. Так понимает указанный отрывок и Обоннэ — см. «Aristote Politique», стр. 150.

²⁰ Достаточно сослаться на сообщение Аристотеля о том, что Солон установил какой-то максимум земельной собственности (Polit. II, 1266 b 16 сл.).

Обратимся снова к тексту «Политики» (II, 1265, а 37): среди недостатков проекта Платона Аристотель отмечает отсутствие мер, регулирующих прирост населения. Платон, с его точки зрения, полагается лишь на то, что деторождение будет находиться в определенной норме к массе населения, так как некоторые браки окажутся бездетными. По мнению Аристотеля, в мерах, регулирующих деторождение, нет надобности, когда имущество подвергается делению. Но в государстве Платона, где собственность не подлежала разделу — подобно тому как фиванский закон предусматривал неизменность числа (и размеров) земельных владений, — «все сверхкомплектные (οἱ παράλοιφοι) не будут иметь ничего, мало их будет или много». Аристотель отдавал себе отчет в том, что регулировать деторождение очень трудно, и все же он настаивает на ограничении количества детей, констатируя, что невмешательство, наблюдаемое в большинстве государств, ведет к обеднению граждан, а бедность является причиной раздора и преступлений (II, 1265 в 10 сл.). В качестве государства, составлявшего правильное исключение, Аристотель называет Крит, где законодательство предусматривало меры, ограничивавшие рождение детей (ὅνα μὴ πολυτεχνῶσι)²¹. По мнению Аристотеля, норму деторождения должны прежде всего установить те законодатели, которые вводят норму собственности. Устанавливая норму собственности, нужно определить и нормальное число детей (τὸν τέκνων τὸ πλῆθος).

Если число детей будет превосходить размеры собственности, то это может привести к тому, что многие многодетные граждане из богачей превратятся в бедняков, а эти последние будут всячески стремиться к тому, чтобы изменить свое положение на лучшее²².

Эти соображения Аристотеля заслуживают, на наш взгляд, самого серьезного внимания. В самом деле, аграрное перенаселение было для малоземельной Греции (а Беотия лишь по греческим нормам обладает достаточным количеством плодородной земли) угрозой номер один. Избыточное население страшило греков гораздо больше, чем малый прирост²³. И потому всякий законодатель прежде чем приступить к регулированию земельной собственности, должен был решить проблему деторождения. Иначе его реформы были обречены на неудачу. Именно поэтому нам представляется необходимым отказаться от понимания законов Филолая, целью которого также было сохранение определенных норм земельной собственности, как законов об усыновлении. Тем более, что эта точка зрения, хотя ее и разделяет значительное число ученых, не является общепринятой²⁴. На наш взгляд, самого пристального внимания заслуживает толкование реформ Филолая, предложенное К. О. Мюллером²⁵.

Мюллер сопоставляет законы Филолая с тем, что нам известно о деятельности соотечественника Филолая коринфского законодателя Фидона. Аристотель сообщает, что коринфянин Фидон, один из древнейших законодателей, считал необходимым сохранять неизменным число хозяйств и количество граждан, хотя бы размеры земельных наделов с самого на-

²¹ См. Aristot., Polit. II, 1272 а 22 сл.

²² Aristot., Polit. II, 1266 в 8 сл.

²³ Характерно, что, излагая законы, которые были призваны противодействовать «малолюдству» в Спарте, Аристотель заключает свое изложение таким выводом (II, 1270 в 4—6): «Однако очевидно, что при возрастании населения и при существующем порядке разделения земли неизбежно должно увеличиваться число бедняков» (ср. перевод С. А. Жебелева).

²⁴ См. J. Barthélemy Saint-Hilaire ad loc (его перевод «Политики» выходил в 1837, 1848 и 1874 гг.) — «des lois... concernant les naissances et qu'on appelle encore les lois fondamentales». Характерно, что автор статьи о Филолае в RE Иоганна Шмидт ограничивается лишь сообщением о том, что Филолай дал законы для Фив, но определение законов вообще опущено. См. RE, 38 Hbbd, s. v. Philolaos, стб. 2510.

²⁵ См. К. О. Müller, Orchomenos und die Minyer, Breslau, 1844, стр. 401 сл.

чала и не были одинаковы (Polit. II, 1265 b 12 сл.). При этом контекст не оставляет сомнений в том, что законодатель Фидон предлагал установить контроль над деторождением²⁶.

Сообщению о Фидоне предшествует такой абзац: «Если вопрос о приросте населения оставить без внимания..., то это неизбежно поведет к обеднению граждан, а бедность — источник возмущений и преступлений. Вот поэтому Фидон и т. д.» (Φείδων μὲν οὖν ὁ Κορίνθιος κτλ). Такой же характер носило и законодательство Филолая, имевшее целью по словам К. О. Мюллера, — die Zahl von Vermögens Inhabern immer gleich zuhalten. В соответствии с этим К. О. Мюллер рассматривает законы Филолая как определяющие и ограничивающие деторождение (Bestimmungs- und Beschränkungs Gesetze über die Zeugung). Точку зрения К. О. Мюллера на законы Филолая о деторождении как на законы ограничительные разделяет и С. Я. Лурье. Он переводит интересующий нас отрывок следующим образом: «Филолай был для фиванцев законодателем о разных предметах и, в частности, о деторождении (эти законы фиванцы называют нормативными): и эти законы были изданы с той специальной целью, чтобы сохранялось число участков»²⁷. При этом он понимает слово *θετικῶς* как законы нормативные, устанавливающие норму²⁸. С нашей точки зрения — это гораздо более логичное решение вопроса, нежели то, которое было предложено Бюкеншютцем.

По мнению С. Я. Лурье, более подробное представление о фиванском законе можно получить у Элиана. Элиан (V. II. II.7) сообщает о «справедливом и человеческом» фиванском законе, запрещавшем подкидывать детей или бросать их на произвол судьбы. Этот закон предписывал отцу ребенка в случае крайней бедности отдать поворожденного властям для продажи в рабство. Относительно времени существования этого закона в литературе значительные разногласия. Вестерман приводит закон Элиана для иллюстрации положения в Греции классического периода²⁹. Фолькман, напротив, считает, что этот фиванский закон мог появиться лишь в более позднее время³⁰. Однако и К. О. Мюллер³¹ и М. Мюллер³², занимавшиеся специально историей Фив, решительно относят закон Элиана ко времени Филолая.

²⁶ Возражения М. Мюллера К. О. Мюллеру (M. Müller, Geschichte Thebens стр. 13, прим. 1) по поводу того, что Аристотель, говоря об ограничении деторождения, употребляет обычно термин *τεχνοποιία* (например, Polit. II, 1265 a 40), неубедительны. Отсутствие параллелей к употреблению Аристотелем слова *παίδεποιία* не позволяет установить какие-либо закономерности в выборе Аристотелем именно этого термина. Можно лишь предположить, что термин *τεχνοποιία* как более «сниженный» (по замечанию Ньюмена — Newman, ad loc — *τεχνοποιία* — «the begetting of offspring» is common to man with the low animals... *παίδεποιία* — the begetting of children), Аристотель использует в общих рассуждениях. Термин *παίδεποιία* как более «высокий» употреблен им ввиду того, что здесь он должен дать определение закону. Трудность суждений по этому поводу связана еще и с тем, что ни Платон, ни афинские ораторы не пользуются термином *τεχνοποιία* (см. Newman, там же).

²⁷ См. С. Я. Лурье, Беогийский союз, СПб., 1912, стр. 42.

²⁸ Значение глагола *θετίζει* и прилагательного *θετικῶς* вполне допускают перевод «нормативный». См., например, Pape s. v.: *setzend, festsetzend, bestimmend, positiv; Adoptiongesetz*, принятого другими словарями, опускает его и П. Х. Дворецкий (Древнереческо-русский словарь, М., 1958, s. v.).

²⁹ W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955, стр. 6, 44; Ср. M. I. Finley, The servile Statuses of ancient Greece, Revue internationale des droits de l'Antiquité, VII, 1960, стр. 187.

³⁰ H. Volkmann, Die Massenversklavungen der Bewohner in der hellenistisch-römischen Zeit, «Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse», 1961, № 3, стр. 72, прим. 1.

³¹ К. О. Мюллер, Orchomenos und die Minyer, стр. 402 и прим. 5.

³² M. Müller, Geschichte Thebens, стр. 15 и прим. 5. Ср. также Susemihl, Aristoteles' Politik, II, стр. 117.

Трудность использования сведений Элиана связана с тем, что даже в тех случаях, когда в «Пестрых рассказах» упоминаются реальные исторические факты, они нередко предстают в совершенно искаженном виде³³. Нелегко иногда поэтому определить, что в сообщении Элиана — правда, а что — вымысел. В самом законе в том виде, как он изложен у Элиана, много неясного. Так, в частности, непонятным представляется условие, согласно которому отец должен был отдать ребенка тому, кто даст за него наименьшую цену (*ἀποδίδουσι τὸ βρέφος τῷ τιμὴν ἐλαχίστην δόντι*). К. О. Мюллер (там же) предлагал даже заменить *ἐλαχίστην* на *μεγίστην*. По мнению М. Мюллера, которое принимает и С. Я. Лурье, передача была бесплатная, а уплата «самой маленькой суммы денег» была только формальным актом, на который можно было бы впоследствии сослаться в подтверждение того, что ребенок был продан в рабство³⁴.

Выдвигая предположение, согласно которому у Элиана мы находим содержание закона Филолая, С. Я. Лурье следующим образом его объясняет: в Фивах был установлен минимальный надел для каждого фиванца (каковыми, подчеркивает С. Я. Лурье, могли быть только знатные), и каждый гражданин мог иметь детей только в таком количестве, чтобы после его смерти все его дети получили, по крайней мере, минимальный надел. Лишние с точки зрения закона дети должны были быть проданы в рабство. Нам представляется, что С. Я. Лурье с полным на то основанием привлекает сообщение Элиана для выяснения характера реформ Филолая. Но ограничивать сферу применения этих реформ только фиванской знатью вряд ли возможно. Более правильно, с нашей точки зрения, предположение К. О. Мюллера, согласно которому у Элиана упомянут особый закон, преследовавший, однако, ту же цель.

По нашему мнению, закон, предписывавший продажу излишних детей в рабство (если, конечно, рассказ Элиана вообще заслуживает доверия), мог быть адресован скорее простому народу, чем знати, даже обнищавшей. Это предположение никоим образом не противоречит общей характеристике деятельности Филолая, которая, как выше было сказано, ставила своей целью навсегда упрочить за земельной аристократией ее политическое господство. В самом деле, ведь и Солон стремился оградить мелких земельных собственников от полного разорения с тем, чтобы уменьшить число недовольных и спасти земли эвпатридов от раздела и конфискации. Но в Аттике процесс разложения родовой организации зашел уже слишком далеко и потому реформы Солона с неизбежностью завершились клисфеновской конституцией, низвергнувшей последние остатки родового строя. В Фивах, как и во всей Беотии, родовая аристократия удерживала свои позиции вплоть до V в. до н. э. Не потому ли, что реформы Филолая не только предотвратили обнищание знати, но и укрепили мелкое и среднее землевладение? Есть, как нам представляется, известная логика в том, чтобы рассматривать свидетельства Аристотеля и Элиана в одной связи, а законы, ими упомянутые, как проявление одной и той же тенденции — создать своего рода майораты как для крупных, так и для средних земельных владений. В свете этих соображений особый интерес приобретает совет Гесиода: *Μουνογενής δὲ πάϊς οἶκον πατρώϊον εἴη φερβέμεν ὡς γὰρ πλοῦτος ἀέξεται ἐν μεγάροις* («Труды и дни», ст. 376—377).

В Феспиях господство родовой аристократии было наиболее прочным — оно сохранилось здесь гораздо дольше, чем в остальной Беотии. Гесиод жалуется на несправедливость знати, на беззаконие. Но имя его про-

³³ См. об этом A. W. Gomme. A historical Commentary on Thucydides, I, Oxf., 1945, стр. 355, прим. 1.

³⁴ Земель (Aristoteles' Politik) также придерживается мнения, что в законе Элиана речь идет о продаже ребенка в рабство.

цветает. Он боится долгов и голода — и все же его хозяйство производит впечатление вполне устойчивого и прочного. Случайно ли это упоминание об одном наследнике? Нам кажется, что эта рекомендация Геспода свидетельствует в пользу предположения о распространении и влиянии реформ, приписываемых традицией Филолаю. Мы вправе ожидать, что при том влиянии, каким пользовались Фивы в VIII—VII вв. до н. э., реформы, связанные с именем Филолая, получили распространение и в других беотийских городах.

Закон, упомянутый Элианом, может быть использован для исследования нерешенного до сей поры вопроса о том, практиковалась ли в Беотии продажа в рабство за долги³⁵. Закон Элиана (если считать его подлинным) свидетельствует, по нашему мнению, о том, что долговой кабалы в Беотии не было. В самом деле, как можно представить себе существование закона, специально регулирующего отдачу детей в рабство, наряду с долговой кабалой? Как известно, отец семьи у греков и у римлян располагал полной властью в отношении своих детей. В Афинах до Солона дети служили обеспечением долга и поступали в продажу и без разрешения или посредничества должностных лиц (Plut., Sol. 23). Несостоятельные должники в Беотии скорее всего терпели поражение в политических правах. По свидетельству Николая Дамасского, людей, не уплативших долга, подвергали унижительному наказанию: их приводили на площадь и, по-видимому, набрасывали на них корзину — *κόφινον ἐπιβάλλουσιν αὐτοῖς*. Тот, кого подвергали наказанию корзиной, терял гражданские права, буквально — *ὡς δ' ἂν κορινωθῆ ἄτιμος γίνεται*³⁶. Нам представляется, что атимия, которой подвергались в Беотии должники, также несовместима с существованием долговой кабалы, поскольку долговая кабала сама по себе приводила к лишению гражданских прав. Как известно, долговых рабов нередко продавали и за пределы государства. Скорее всего — это ограничительная мера, заменявшая продажу в рабство. Исследователи относят это постановление о наказании несостоятельных должников также ко времени Филолая. С такой датировкой согласуется и примитивная форма наказания.

Из текста Аристотеля явствует, что закон о деторождении не был единственным законом, проведенным Филолаем. Возможно, что к Филолаю восходят упоминаемые Аристотелем старинные фиванские законы, разрешавшие занимать государственные должности только тем, кто в течение 10 лет воздерживался от занятий торговлей (Polit. III, 1278 a 25 сл.), а также тем, кто в течение некоторого времени не занимался никакими ремесленными работами (Polit. VI, 1321 a 28 сл.). Эти законы, как и законы о должниках, вполне соответствуют основному направлению деятельности Филолая — укрепить политическое господство родовой аристократии, сохраняя крепкие крестьянские хозяйства и ограничивая развитие демократических элементов в стране. Возможно, что именно эти законы и имеет в виду Аристотель, говоря, что Филолай был законодателем *περὶ τ' ἄλλων τινῶν*.

Отметим, что Аристотель приводит сведения о Филолае в том же разделе, в котором он рассматривает деятельность знаменитых в древности законодателей (Polit. II, 1273 b 27 сл.). «Из этих законодателей, — пишет Аристотель, — одни были только авторами законов, другие, как например Ликург и Солон, были организаторами государственного строя».

³⁵ См. об этом также Д. П. Каллистов, А. А. Нейхардт, И. Ш. Шпифман, И. А. Шпинова. Рабство на периферии античного мира, Л., 1968, стр. 31 сл.

³⁶ Словари дают только этот случай употребления глагола *κορινωσμαι*, и потому точное его значение установить нелегко. Согласно Лидделу-Скотту s. v. *κορινωσμαι* have a basket put over one.

Трудно сказать, к какому из этих двух типов законодателей Аристотель относит Филолая. Можно лишь отметить, что, сообщая о деятельности фиванского законодателя, Аристотель не стремится подчеркнуть ограниченный характер этой деятельности — подобно тому как он это делает в других случаях³⁷.

Возможно правы немецкие ученые (К. О. Мюллер, М. Мюллер), по мнению которых Филолаю принадлежит целая система законов. Нам представляется, что в Фивах, а может быть и во всей Беотии, существовал целый ряд очень древних законов, которые в значительной мере определили путь развития Беотии, как страны чисто аграрной.

Законы эти, ограничивая деторождение, способствовали сохранению крупной и средней земельной собственности в течение длительного времени.

Фиванские законы, как было сказано выше, способствовали также сохранению прочного свободного крестьянства. Еще в IV в. до н. э., когда большинство греческих государств использовало наемные войска, основу фиванского войска составляло крепкое крестьянство. Наряду с ограничением деторождения законы фиванцев предписывали продавать в рабство избыточных детей — тех самых сверхкомплектных — *περοζυγοι*, накопдан. Вместе с тем фиванские законы не допускали долговой кабалы, которая была заменена позорным наказанием и поражением в политических правах, что, в свою очередь, должно было оградить крепкое среднее крестьянство от размывания. Возможно, что и поражение в гражданских правах должников было временным, подобно ограничению в гражданских правах лиц, занимающихся ремеслом и торговлей. Последние законы дан, замедляли развитие беотийских городов как торгово-ремесленных центров.

THE REFORMS OF PHILOLAOS

by I. A. Shishova

The development of a good number of Greek polises was strongly influenced by laws adopted in the early period and ascribed by tradition to some lawgiver. The development of Boeotia as an agricultural land in which the tribal nobility held sway for a whole century longer than in Attica may also have been influenced by early legislation. Aristotle says that in very early times Philolaos gave laws to the Thebans, including laws on the begetting of children, which were aimed at the stabilisation of *kleroi* at a certain number. It is hard to say precisely what these laws contained because of the lack of parallels to the terms used by Aristotle. Many have thought that the Theban laws concerned adoption, with the aim of preventing a diminution of the number of *kleroi*, the dying out of clans left childless and the concentration of landholdings. But in the «Politics» Aristotle refers several times to the need for measures limiting the number of offspring so as to avoid a surplus population. It is therefore better to interpret what he says about the Theban laws in this sense. By limiting the number of children these laws helped to preserve large and middle landed property over a long period. The testimony of Aristotle, Aelian and Nicolaus of Damascus permit the conjecture that Philolaos was the author of a complete system of laws which tended to preserve a free peasantry, held back the development of handicraft and trade and determined the evolution of Thebes and — given the leadership exercised by Thebes in the seventh and sixth centuries — of all Boeotia along purely agrarian lines.

³⁷ Так, например, Аристотель специально отмечает, что в законодательстве Хатива нет ничего, лично ему принадлежащего, за исключением закона о процессах государственного строя; характеризуя деятельность законодателя Андродаманта, но не говоря, добавляет — вряд ли кто-нибудь смог бы указать на какую-либо оригинальную черту в законодательстве Андродаманта (см. Polit. II, 1274 b 5 сл.).

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. А. Бабинцов

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ ГРАФФИТИ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

(Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича)

СРЕДИ эпиграфических памятников античного Херсонеса значительную группу составляют граффити на керамических изделиях, которые постоянно находят в различных местах древнего городища. Граффити — интересный и важный источник для характеристики религиозных культов и обрядов, языка, торговли и т. д.

В фондах Херсонесского историко-археологического музея хранится интересная коллекция граффити из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в центральном районе Херсонеса¹. Эта коллекция известна пока что мало, так как лишь отдельные памятники описаны и изданы². Нами выявлено и изучено 940 граффити — отдельные буквы, монограммы, надписи и знаки, выцарапанные в основном на донышках чернолаковых сосудов различного назначения; на рыбных блюдах, киликах, канфарах, солонках и т. д. По содержанию их можно разделить на 4 группы: к первой группе относятся посвятельные надписи, ко второй — надписи, содержащие имена владельцев сосудов. Третью группу составляют обозначения цифр (возможно, указание на цену сосуда или его емкость). К четвертой группе мы отнесли все те надписи или фрагменты надписей, содержание которых пока что не поддается расшифровке.

Большой интерес для характеристики религиозных культов античного Херсонеса представляет первая группа граффити изученной коллекции, которая состоит из 476 посвятельных надписей, различных по своему содержанию и хронологии.

Как известно, древние греки наряду с многочисленными жертвоприношениями богам постоянно приносили в храмы и возлагали на алтари керамические изделия, снабженные надлежащими надписями. В настоящее время посвящения божествам засвидетельствованы во всех античных городах Северного Причерноморья. Судя по качеству лака, формам сосу-

¹ Фонды ГХМ, кол. 36589.

² Э. Р. Штерн, Граффити на античных южно-русских сосудах, ЗООИД, т. XX, 1897, № 22—42; И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М. — Л., 1953, № 80—96; З. А. Билимович, Граффити на чернолаковой тарелке, СХМ, вып. 2, 1961, стр. 26—31.